

Васютин А.С., Онищенко С.С.
(г. Кемерово, Россия)

КОЧЕВНИЧЕСКИЕ КОМПОНЕНТЫ В МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ НАСЕЛЕНИЯ ВЕРХНЕОБСКОЙ КУЛЬТУРЫ КУЗНЕЦКОЙ КОТЛОВИНЫ (VII-X вв. н. э.)

Введение

Известно, что сосуществование южных кочевых и северных оседлых народов в течение всего первого тысячелетия нашей эры является историческим феноменом евразийского масштаба. На юге Западной Сибири это прослеживается в совместном проживании населения пришлых (тюрских) и местных оседлых (угров и самодийцев) культур (Васютин С.А., Васютин А.С., Онищенко С.С., 2008, с. 190). Их взаимодействие, вероятно, являлось одним из факторов культурогенеза целого ряда археологических культур (АК), в том числе и тех, которые функционировали в раннем средневековье на северо-западной и северной периферии Алтае-Саянской горной страны (верхнеобская и сросткинская АК). В археологических материалах этот процесс неоднократно фиксировался в смешанных погребальных комплексах Верхней Оби, Барабы, Северного Алтая, Томского и Новосибирского Приобья. В связи с этим цель настоящей работы заключалась в выявлении кочевых элементов в структуре материальной культуры оседлого населения «верхнеобцев» Кузнецкой котловины Кемеровской области в VII-X вв.

При анализе кузнецких материала этой АК в качестве диагностирующих признаков влияние культур кочевников рассматривались предметы оружия, конской упряжи и торевтики, серийно представленные в ключевых погребальных памятниках сопредельных территорий (Кудыргэ, Сростки и др.). В качестве дополнительного критерия наличия кочевого компонента в ритуальных традициях «верхнеобцев» можно рассматривать находки остатков животных, как обязательного компонента. В настоящей работе были использованы оригинальные и опубликованные материалы из курганных погребально-поминальных памятников верхнеобской культуры Кузнецкой котловины (Ваганово-I, Зимник, Калтышино-II, Лебединский клад, Озерки-I, Озерки-5, Саратовка, Сапогово, Сапогово-II, Юрты II).

Анализ материала

Оружие ближнего боя. *Палаши.* Однолезвийные палаши представлены одним типом с напускным пластинчатым перекрестием и характерным для сабель признаком, наклоном рукояти в сторону лезвия (рис. 1 – 1-3). *Детали оформления ножен.* Р-образные пластинчатые скобы для крепления и обкладка наконечника ножен с тисненым растительным орнаментом (рис. 1 – 1а, 2, 3а; 3 – 50). Особенно показательным для времени их существования являются сросткинские аналогии VIII-X вв. (Неверов С.В., 1988, с. 72-75; Горбунов В.В., 2006, рис. 50, 5; 52, 1). *Втульчатые наконечники копий.* Пирамидальные и пиковидные с широкой втулкой, длинной шейкой и ромбической или пирамидальной боевой головкой (рис. 1 – 4-9). По ряду типологических признаков, связанных с дальнейшим усовершенствованием проникающих свойств пера, данные наконечники относятся к концу IX-X вв. (Неверов С.В., 1988, с. 78-79; Голдина, 1985, табл. XXVII, 8; Худяков Ю.С., 1986, с. 157; Троицкая Т.Н., Новиков А.В., 1998, с. 43; Горбунов В.В., 2006, рис. 42; 43). *Топоры.* Проушные топоры и топоры (рис. 1 – 10-15) имеют массовые аналогии в тюркской и сросткинской культурах (Горбунов В.В., 2006, с. 83-86, рис. 69 – 1-5,8). *Кистень* (рис. 1 – 16). Представлен единственным экземпляром из Сапогово (Илюшин А.М. и др., 1992, с. 22-23, рис. 23 – 18) и имеет явные прототипы и параллели в тюркской культурной среде Саяно-Алтая и сросткинской культуре алтайских лесостепей (Горбунов В.В., 2006, с. 87, рис. 69 – 6).

Оружие дистанционного боя. *Железные наконечники стрел.* *Трехлопастные* (рис. 1 – 24-32). Они представлены шестиугольными широкими наконечниками с прорезными лопастями, вытянутопятиугольными с кольцевыми упорами и без них, пятиугольными широкими, вытянутошестиугольными и ромбическими различных пропорций. *Уплющенные.* Шестиугольные. Представлены двумя типами, долотовидными длинными и

короткими, все с упорами (рис. 1 – 17-19, 21-23). *Плоские*. Линзовидные (рис. 1 – 38, 39, 41, 42, 46, 47). Представлены 3 типами: треугольными, вытянутолистовидными, вытянуторомбическими. Эти типы железных трехлопастных наконечников стрел в Южной Сибири ранее VIII в. неизвестны, а основной период их бытования охватывает VIII-IX вв. Из типологических признаков, имеющих хронологическое значение, следует выделить следующие: удлиненные пропорции, наличие кольцевых упоров и круглые прорезы в нижней части лопастей, а также наличие шейки и боевой головки (Худяков Ю.С., 1986, с. 145; Неверов С.В., 1988, с. 52-55; Троицкая Т.Н., Новиков А.В., 1998, с. 37; Горбунов В.В., 2006, рис. 28-31). Уплощенные долотовидные и плоские наконечники стрел до IX в. крайне редки, их основной период бытования распространяется на последние два столетия I тыс. н. э. (Неверов С.В., 1988, с. 57-59; Троицкая Т.Н., Новиков А.В., 1998, с. 37-38). Плоские томары трапецевидной и вильчатой форм (рис. 1 – 45, 48) массово представлены в сросткинских и кыргызских материалах (Горбунов В.В., 2006, рис. 32-33). *Накладки на лук*. Типовые наборы костяных накладок на лук. *Без концевых боковых накладок*. Срединная боковая и боковой вкладыш с арочным вырезом для тетивы в сочетании с фронтальной концевой накладкой с арочным вырезом (рис. 1 – 50, 51, 53). С центральными двумя боковыми, одной узкой фронтальной и прямоугольным боковым вкладышем (рис. 1 – 49абв). Хазарские луки с концевой фронтальной накладкой известны в материалах Дмитриевского могильника салтово-маяцкой культуры. Хазарские концевые накладки овальные в плане, фронтально изогнуты и треугольные в плане, а прорезь для тетивы, также как и у кузнецкой накладки, сделана на острой наружной грани (Плетнева С.А., 1989, с. 69, рис. 32). *Отдельные типы костяных накладок на лук*. Срединная боковая и фронтальная накладки (рис. 1 – 54, 55). Две центральных боковых накладки (рис. 1 – 56, 57). С одной массивной центральной боковой накладкой (рис. 1 – 58). Наиболее существенным хронологическим признаком для этой категории находок является отсутствие концевых боковых накладок, наличие вкладышей и фронтальных концевых накладок, а также массивных одиночных боковых накладок. Такие типологические особенности костяных накладок массово распространяются на юге Западной Сибири и Саяно-Алтае с VIII в. (Худяков Ю.С., 1986, с. 141-142; Неверов С.В., 1988, с. 66-68; Горбунов В.В., 2006, рис. 4-8). *Колчаный крюк на длинной пластине*. Такие крюки на пластинах с кольцами (рис. 1 - 52) могли использоваться как поножи для крепления обуви. Появление подобного рода крюков типологически предшествует колчаным крюкам аскизского типа (Адамов А.А., 2000, с. 58; Кызласов И.Л., 1983, с. 50, рис. 86-88).

Снаряжение верхового коня. *Конский полудоспех*. Панцирный набор (рис. 1 – 62, 63). В этом панцирном наборе насчитывается более 392 панцирных пластин и 23 детали наременной гарнитуры общим весом 2 кг 800 г. Сбруйная гарнитура находилась внутри отдельных спекшихся скоплений панцирных пластин (рис. 1 – 59-61; 2 – 22). Бедность декоративного оформления, упрощение и огрубление форм поясной и сбруйной гарнитуры из железа является характерным признаком наступления нового этапа развития сбруйной и поясной гарнитуры. Массовое изготовление наременной гарнитуры из железа – все это признаки новой эпохи, более прагматического, функционального, подхода к массовому производству всаднической и конской амуниции. Хронологически это явление начинает распространяться в южносибирском регионе с середины X в. (Кызласов И.Л., 1983, с. 12-13). Предполагаемая идентификация панцирного набора с конским нагрудником представляется наиболее вероятной и в контексте воинской атрибутики кремнированного погребения. Это, безусловно, всадническое погребение воина-копейщика с сопребением сбруйной амуниции и панцирного ламмельярного конского нагрудника (Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А., 2006, с. 265-268). *Однокольчатые удила* (рис. 2 – 1-3, 5) представлены тремя типами: перпендикулярнокольчатыми с подвижным кольцом для повода и стержневыми S-видными псалиями, соединеннокрюковыми с пластинчатой скобой для недоуздки и стержневыми S-видными псалиями, однокольчатыми удилами с кольчатым псалием. Перпендикулярнокольчатые с подвижным внешним колечком для повода и крюковым соединением звеньев удила относятся ко времени не ранее VIII в., когда они широко распространяются в Евразии и бытуют вплоть до рубежа X-XI вв. Однокольчатые соединеннокрюковые удила со стержневыми S-видными псалиями со скобой для

недоуздка позже IX в. встречаются очень редко. Следовательно, основной период их бытования не выходит за пределы VIII-IX вв. (Неверов С.В., 1988, с. 82-86), что подтверждается массовыми материалами из Новосибирского Приобья и сопредельных территорий (Неверов С.В., 1988, с. 121-123; 1998, с. 146, рис. 5 – 5; 6 – 5). Перпендикулярнокольчатые удила с подвижным внешним колечком для повода или недоуздка и крюковым соединением звеньев удил, безусловно, относятся ко времени не ранее второй половины VIII в., когда они широко распространяются в Евразии вплоть до рубежа X-XI вв. *Двукольчатые удила* (2 – 6-8). Железные двукольчатые удила без псалиев с неравноосьмерковидными кольцами, лежащими в одной плоскости, с витыми звеньями и их крюковым соединением, дополнительными подвижными кольцами для недоуздка могут быть отнесены к отделу 2, типу 1 по В.А. Могильникову (Могильников В.А., 2002, с. 85-86, рис. 160 – 15; 208 – 17; 216 – 9). В этой связи, представляет интерес его наблюдения, относительно вторичного использования 8-видных удил с кольчатыми псалиями в погребении с кремацией кургана 2 из Гилево I. В этом же комплексе находились 8-видные удила с витыми стержнями. Использование 8-видных удил без псалиев является результатом скорее практической необходимости в случае утери или поломки стержневых псалий, нежели чем звеном их эволюции. В этом случае большие внутренние кольца удил могли выполнять функции неподвижного псалия для крепления ремней повода или нащечных ремней. В других вариантах к ним крепились кольчатые псалии взамен стержневых, как это было замечено В.А. Могильниковым (Могильников В.А., 2002, с. 87, рис. 208 – 14). *Бубенчики с щелевидной прорезью и кольцевые обоймы с пластинчатыми зажимами* (рис. 2 – 9-11). Они появляются не ранее VII в. и широко распространяются в последующее время (Ковалевская В.Б., 1979, с. 48; Троицкая Т.Н., Новиков А.В., 1998, с. 50). *Стремена*. Они представлены удлиненопластинчатыми и горизонтальнопетельчатыми (рис. 2 – 14-16). Горизонтальнопетельчатые стремяна с вытянутоовальными и арочными очертаниями дужек ранее середины IX в. не встречаются. Более широкие временные пределы имеют стремяна с пластинчатым ушком указанных типов, для рассматриваемого времени они являются запаздывающими (Неверов С.В., 1988, с.138-139; 1998, с. 147-151, рис. 6-8). *Подпружные пряжки*. Костяные подпружные пряжки представлены двутавровой роговой пряжкой с приёмной прорезью соединённой с концевой сплошной прорезью для щитка (рис. 2 – 26). Синхронное бытование однитавровых и двутавровых пряжек не исключает широких хронологических рамок для первых и более узких для вторых. Двутавровые пряжки имеют на бортиках скругленные уступы и полукруглые вырезы, отделяющие рамку от щитка. Именно этот типологический признак, появившись в конце VII-VIII вв., максимальное распространение получает в VIII-X вв. (Амброз А.К., 1973, с. 93-98). Промежуточная форма с плавным переходом от щитка к рамке также представлена в кузнецкой коллекции подпружных костяных двутавровых пряжек.

Гарнитура геральдического стиля. *Псевдопряжки* (рис. 3 – 81, 82). В отличие от кудыргинских сбруйных псевдопряжек (Гаврилова А.А., 1965, Табл. XVIII – 11, 17; XX – 15) кузнецкие преувеличенно массивны, полые изнутри с выпуклым внешним контуром, который повторяет внешнюю форму В-образной рамки функциональной пряжки. Псевдоязычок в виде узкой нервюры выступает за край рамки, имитированы и парные симметричные круглые прорези и узкие щелевидные горизонтальные отверстия, предназначенные для крепления язычка на рамке. Признаки деградации кудыргинских псевдопряжек очевидны (Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, с. 68), что особенно характерно для верхнеобских геральдических украшений (Савинов Д.Г., Новиков А.В., Росляков С.Г., 2008, Табл. V – 4-7; VI – 4-16, 19-21, 23; XI – 3-9; XII – 7). К ним относятся и одночастные бляшки с симметричными прорезями и слабо выделенной нервюрой-псевдоязычком или без него (рис. 3 – 80, 83, 84). Крыловидные двухчастные и одночастные бляшки (рис. 3 – 8, 87), также являются составной частью геральдических наборов как и в Кудыргэ (Гаврилова А.А., 1965, Табл. XII – 8, 9; XVII – 6; XVIII – 13, 16; XIX – 3), наряду с Т-видными сплошными и прорезными (рис. 3 – 91, 93-95, 98), также хорошо известными среди кудыргинских геральдических изделий (Гаврилова А.А., 1965, Табл. XII – 2; XV – 7; XVIII – 12; XIX – 2; XX – 34; XXIV – 4, 5). В состав геральдических наременных украшений входят ланцетовидные узкие и широкие наконечники с вогнутыми торцами, боковыми выступами и приостренными носиками (рис. 3 – 88, 89), повторяющих форму

одночастных геральдических бляшек. В Западной Сибири трансформированные формы геральдических украшений продолжали изготавливаться и после VIII в. (Васютин А.С., 1997, Табл. I, II; 2001а, с. 143-145; 2001б, с. 225-226), в отличие от Кудыргэ (Гаврилова А.А., 1965, Табл. X – 14; XVIII – 8-10).

Гарнитура катандинского облика. *Наконечники ремней и подвесных ремешков.* Наиболее сопоставимы с саяно-алтайскими и сrostкинскими полуовальные гладкие наконечники с прямыми и рельефными сторонами, полуовальным или чуть приостренным носиком (рис. 3 – 63, 64, 67-69, 77), как и появившиеся позднее наконечники ремней и подвесных ремешков с крыловидными торцами (рис. 3 – 65, 66, 70-74). *Накладные бляхи.* Прямоугольные с прямоугольными и сердцевидными прорезями; полуовальные с прямоугольными прорезями – сегментовидные с прямоугольной прорезью; рельефные полуовальные с носиком и сердцевидными прорезями (рис. 3 – 75-79). Основной период их бытования распространяется на VII-IX вв., встречаются они и в более поздних комплексах (Неверов С.В., 1988, с. 153-154). Наличие сердцевидных и фигурноскобчатых прорезей на некоторых типах указанных блях рассматривается как промежуточный типологический признак, появление которого связывается с серединой VIII в. Этому времени соответствует присутствие в рассматриваемой коллекции рельефной сердцевидной бляшки, аналогичной сrostкинским изделиям (Распопова В.И., 1979, с. 109-112, рис. 3 – 1, 3, 4-6, 26-28). Немаловажным для датировки рассматриваемой коллекции кузнечных блях с прорезями является установленные по монетам даты с точностью до четверти века для аналогичных изделий из Пенджикента. Набор среднеазиатских накладных блях содержит все выше перечисленные типы такого рода изделий из кузнечного предметного комплекса: прямоугольные бляхи-оправы, полуовальные бляхи, сегментовидные с прямоугольными и скобчатыми прорезями, датированные преимущественно не позднее третьей четверти VIII в. (Распопова В.И., 1979, рис. 3 – 8-19, 22, 30). Показательна и взаимовстречаемость указанных типов накладных блях, хорошо известных по сибирским материалам, с другими формами наременной гарнитуры, также представленной в рассматриваемой коллекции. К их числу, безусловно, относятся сердцевидные и полулунные бляшки, полуовальные и овальные бляшки с фестончатыми краями (Мажитов Н.А., 1977, табл. I – 162, 163, 167).

Наременная гарнитура середины IX - X вв. характеризуется развитой растительной и зооморфной орнаментацией по всей поверхности изделий с мотивами трилистника, виноградной грозди, цветочных бутонов и древовидных композиций (Кызласов Л.Р., 1981, с. 55-56; Могильников В.А., 1981, с. 45; Бараба..., 1988, с. 67, 75, 83-86, 89-90; Неверов С.В., 1988, с. 144-147, 154-159; Кызласов Л.Р., Король Г.Г., 1990, с. 70-75; Савинов Д.Г., 1994, с. 92; Король Г.Г., 2008, с. 10-26). Широко известный «сrostкинский тип» изделий представлен не только в материалах одноименного могильника на Алтае и в курганах из северо-западных алтайских предгорий, но и в синхронных комплексах всего урало-сибирского региона (Мажитов Н.А., 1977, табл. I; Савинов Д.Г., 1998, рис. 1-3; 6-9; Могильников В.А., 2002, рис. 215 – 2-4, 12, 14; 216 – 3, 4, 7, 8; 217 – 24, 25, 31, 29, 30; 218 – 4-6, 13, 17, 21, 23-27, 30, 35, 41).

Гарнитура развитого сrostкинского типа. Прежде всего это Т-видные тройники с литым растительным орнаментом, пластинчатые гладкие вырезные тройники, колесовидные тройники с растительным, зооморфным, геометрическим декором и функциональные пластинчатые колесовидные тройники (рис. 3 – 1-21). Позднюю дату для этих типов изделий подтверждают прямые аналогии в материалах сrostкинской культуры по всему её ареалу. Особенно разнообразны трехлопастные тройники Т-видной формы с завершаем лопастей в виде трилистника, их форму повторяют трехлопастные бляшки для подвесных ремешков (рис. 3 – 16-20). Эти типы орнаментированных наконечников имеют прямые аналогии в инвентаре алтайских кочевников, датирующихся не ранее середины IX в. и активно бытующих на протяжении столетия во всех синхронных культурах юга Западной Сибири и прилегающих территориях (Савинов Д.Г., 1987, табл. LXVII; Неверов С.В., 1988, рис. 47, 48, 56; Григоров Е.В., 1998, рис. 2; Могильников В.А., 2002, рис. 216 – 4; 218 – 21, 41). *Бляхи-подвески* (рис. 3 – 22-24) представлены гладкими кресаловидными и сердцевидными формами блях и ажурной с вырезным трилистным декором, а также с волютообразным орнаментом (рис. 3 – 33). В Южной Сибири и на сопредельных территориях (Мажитов Н.А., 1977, группы Б, В, Д; Неверов С.В., 1988, с. 109-110; Григоров Е.В., 1998, с. 157-158.) такие типы украшений являются наиболее

массово распространенными, начиная с IX в. Активный период бытования наиболее развитых типов таких украшений приходится на вторую половину IX-X вв. (Савинов Д.Г., 1987, табл. LXVII; Неверов С.В., 1988, рис. 47, 48, 56; Григоров Е.В., 1998, рис. 2). *Бляшки-полулунницы* (рис. 3 – 35-37) – гладкие и с полулунным торцевым вырезом, рельефными краями и центральной нервюрой (рис. 3 – 37). Сердцевидные бляшки-полулунницы и U-видные бляшки с полукруглыми и крыловидными вырезами аналогичны типам 24, 25 и 28 сросткинских бляшек, которые по ряду типологических признаков датируются не позднее середины IX в. (Неверов С.В., 1988, с. 155-156).

Рельефные бляшки. Овальная с рельефными боками и центральной нервюрой (рис. 3 - 38); в виде сдвоенного трилистника (рис. 3 – 40); фрагмент овальной накладки с петлей на торце и тисненым растительным орнаментом в виде трилистника и волютообразных растительных побегов (рис. 3 – 41); 8-видная накладка с боковым выступом и рельефными торцами в виде бутонов (рис. 3 - 39); полуовальная и прямоугольная с растительным лекором (рис. 3 – 56, 57). *Подвески-полубубенчики* (рис. 3 – 60). Такие подвески широко распространены в лесостепной и подтаежной зон Западной Сибири с четкой нижней датой, не ранее X в. (Адамов А.А., 2000, с. 61, рис. 39 – 4; 41 – 19; 44 – 5, 6; 46 – 22). *Наконечники ремней.* *Полуовальный наконечник* с приостренным носиком, рельефными боками и крыловидным основанием (рис. 3 – 53). *Язычковые.* Узкие язычковые гладкие и орнаментированные наконечники с продольной нервюрой и выделенными для крепления верхними лопастями (рис. 3 – 45-47); рельефный наконечник ножен от палаша с крыловидным и килевидным торцами и тисненым растительным орнаментом в виде трилистника (рис. 3 – 50); с широким гладким язычком и выделенной орнаментированной лопастью (рис. 3 – 49); полуовальный с зооморфным декором, волнистыми боками и основанием (рис. 3 – 48); полуовальный с выделенным носиком и крыловидным основанием с растительным декором (рис. 3 – 51, 54, 55); широколопастной наконечник неволинского типа с литым орнаментом в виде «замочной скважины» (рис. 3 – 52). Наиболее простые, исходные формы язычковых наконечников в Западной Сибири и Средней Азии представлены небольшими наконечниками в виде узкого язычка с продольным ребром (Распопова В.И., 1979, рис. 4 – 13). Они происходят из слоя третьей четверти VIII в. (Амброз А.К., 1973, табл. – 72-74; Распопова В.И., 1979, с. 112, рис. 1-3, 10, 11, 15-17). Наконечники гладкие с округлым концом и фестончатыми краями из Пенджикента, как и типологически близкие им кузнецкие наконечники, также датируются указанным периодом (Распопова В.И., 1979, с. 113). В данном случае речь идет о нижней дате тех евразийских типов наременной гарнитуры, которые сформировались и получили распространения до времени сложения салтовской культуры в Восточной Европе (Могильников В.А., 1991, с. 57-59; 2002, с. 123). На Верхней Оби появление рассматриваемой наременной гарнитуры сопоставимо по времени с ранним этапом формирования сросткинской АК, определение нижней даты которой до сих пор вызывает затруднения и ориентировано на вторую половину или конец VIII в. (Могильников В.А., Конигов Б.А., 1983, рис. 10 – 10; Плетнева Л.М., 1984, рис. 11 – 2, 4; Могильников В.А., 1987, табл. 99, 28, 49). Прототипы наконечников неволинского типа хорошо известны в Приуралье из памятников деменковской стадии ломоватовской культуры, наряду с собственно салтовскими и сросткинскими типами деталей поясов. Немаловажно, что в Средней Азии смена поясов, подобных неволинским и салтовским, произошла на рубеже 3-й и 4-й четверти VIII в. (Распопова В.И., 1979, с. 113). В Прикамье этот процесс начался с некоторым запаздыванием в последней четверти VIII в. (Краснов Ю.А., Ковалевская В.Б., 1973, с. 282, рис. 1; Голдина Р.Д., 1985, с. 132). В целом подобные изделия из Западной Сибири, типологически близкие прикамским (приуральским), демонстрируют более упрощенные и деградированные формы. Такие широколопастные наконечники известны в Томском Приобье (Могильницкий могильник, Архирейская заимка) и в Прииртышье (Окунево III). Как правило, они сочетаются с пластинчатыми прямоугольными тиснеными бляхами с зооморфным и волютообразным орнаментом с бордюром из псевдозерни (Савинов Д.Г., 1987, табл. 40 – 6; 1994, табл. VI). В Прикамье такие украшения представлены двумя локальными группами: узкими, ланцетовидными наконечниками агафоновского типа и широкими с лопастями, неволинского типа (Амброз А.К., 1973, рис. 73; 81). Вагановский наконечник, повторяя форму неволинских наконечников вплоть до деталей, имеет не прорезной, а литой

орнамент в виде «замочной скважины» и горизонтального пояса из каннелюр на широкой лопасти. Впервые такое сочетание агафоновских (кудыргинских) и неволинских деталей поясов с датой VIII-IX вв. как в Прикамье (Амброз А.К., 1980, с. 49), зафиксировано в погребении 28 Архирейской заимки. По замечанию Л.М. Плетневой, такие детали нехарактерны для сибирских поясов, в том числе и для кочевнических комплексов, они производились в Пермской области (Плетнева Л.М., 1984, с. 81). Представленные типы наконечников, за исключением некоторых других типов, имеют широкие хронологические границы от рубежа VII-VIII вв. до конца I тыс. н. э. (Неверов С.В., 1988, с. 159). Особый интерес в этой связи представляют наконечники с растительной орнаментацией, появление которой на ременной гарнитуре Верхнего Приобья фиксируется не ранее конца VIII - середины IX вв. (Левашова В.П., 1952, с. 122, рис. 28-30; Неверов С.В., 1988, с. 153; Савинов Д.Г., 1994, табл. VI, 6; Григоров Е.В., 1998, с. 157-158; Шиготарова Т.Г., 2001, с. 171-172, рис. 3, 4).

Накладные бляхи. Прямоугольная с ромбическим рельефом на лицевой поверхности (рис. 3 – 44); с килевидными торцами и рельефным валиком по центру (3 – 42, 43); с крестовидной прорезью и скобой для подвески (рис. 3 – 34); рамчатая накладная с прямоугольной прорезью и рельефными подтреугольными зубчатыми торцами (рис. 3 – 61); двухчастная бляшка-полулунница с крыловидными рельефными сторонами, поперечной нервюрой и угловыми полукруглыми рифлеными выступами (рис. 3 – 62).

Такие штампованные и литые прямоугольные накладки различной конфигурации, помимо Кузнецкой котловины, известны в Новосибирском Приобье и Минусе, в массовом виде распространены на Южном Урале (Троицкая Т.Н., Новиков А.В., 1988, с. 54-56). Пик их встречаемости в евразийских культурах приходится на VIII-IX вв. (Неверов С.В., 1988, с. 155-156).

Наносный султанчик (рис. 3 – 58). Это сборный султанчик с цилиндрической втулкой и растительной орнаментацией на крепежной пластине, типологически близкий сrostкинским султанчикам X - первой половины XI вв. (Неверов С.В., 1988, рис. 48 – 3; Могильников В.А., 2002, рис. 218 – 4; Горбунова Т.Г., Тишкин А.А., Хаврин С.В., 2009, рис. 63). *Штампованные многолепестковые розетки* (рис. 3 – 58). Они являются частью сбруйных сrostкинских наборов, начиная с середины IX в. (Савинов Д.Г., 1998, рис. 3; 9; Могильников В.А., 2002, рис. 215 – 23; 217 – 32, 38; 218 – 33, 36).

Бляхи-оправы и рельефные накладки с растительной орнаментацией с геральдическими мотивами виноградных гроздей, цветочных бутонов и птиц. Они широко представлены в сибирской гарнитуре IX-X вв. (рис. 3 – 35-41). Бляхи-оправы геометрических форм имеют также сердцевидные врезы в прямоугольных и овальных прорезях, наряду с типологически более развитыми бляхами с рельефными формами, которые появились в сибирской гарнитуре не ранее конца VIII-середины IX вв.

Остеологический материал. Наиболее полно нами изучены материалы из памятников Калтышино-II (курган 3), Ваганово-I (курганы 6-7, 10-12), Озерки-I (курган 8) и Озерки-5 (курган 1).

Калтышино-II. Найдено 3 скопления костей животных разных видов и разрозненные остатки скелетов животных вне этих скоплений. Скопление К (глубина 46 см) содержит фрагменты черепов и посткраниальных скелетов водяной полевки (*Arvicola terrestris*), обыкновенного хомяка (*Cricetus cricetus*), краснощекого суслика (*Spermophilus erithrogenus*) и 2-х узкочерепных полевок (*Microtus gregalis*). Здесь же находятся остатки посткраниального скелета 2-х птиц.

Скопление Г (глубина от 44 до 66 см) включает фрагменты черепов и посткраниальных скелетов водяной полевки и хомяка, а также фрагменты ребер, тазового пояса и задней конечностей птицы. В расположенном рядом скоплении Г₁ в верхнем слое (находится на глубине 44 см) обнаружены фрагменты черепов и посткраниальных скелетов водяной полевки, хомяка и суслика, почти полные скелеты 2-х птиц, одна из которых утка. Во втором слое этого скопления (глубина 66 см) содержались почти полные скелеты утки и 2-х других птиц, а также хомяка. При его вскрытии было обнаружено, что скелеты птиц лежали на спине, перекрывая скелеты грызунов. Отсутствие следов перекопов (нор и камер) около скоплений костей и наличие ненарушенных скелетов птиц и грызунов на этой глубине позволяет предположить, что было произведено преднамеренное захоронение тушек птиц и млекопитающих перед сооружением насыпи.

В разных местах насыпи кургана были найдены: череп серого сурка (*Marmota baibacina*); 2 черепа сусликов (один из которых современный); фрагменты черепа и конечностей лошади и молодого годовалого теленка, а также остатки их грудных позвонков и ребер, обломки трубчатых костей, элементы суставов задних конечностей.

Обнаруженные при раскопках кургана остатки скелетов водяной полевки, хомяка, суслика, сурка и водоплавающей дичи относятся к обычным для северной периферии Кузнецкой котловины охото-промысловым видам животных. С учетом особенностей их захоронения тушки животных можно расценивать как компонент погребального ритуала.

Ваганово-1. Характерной чертой вагановского могильника является наличие большого количества погребенных останков лошадей, которые выражено количественно доминируют среди жертвенных животных. Всего в остеологической коллекции из курганов №№ 6,7, 10-12 присутствуют остатки скелетов, принадлежащие как минимум 52-58 животным разных возрастных групп. Среди них до 70 % составляют молодые особи. Среди проанализированной серии наиболее насыщенными остеологическими находками были курганы №№ 10 и 11. Курган № 12 привлекает внимание не количеством находок, а специфической структурой остеологического материала. Ее основу, помимо остатков скелетов лошадей, образуют чрезвычайно разнообразные в видовом отношении остатки скелетов других животных – млекопитающих (сурок, суслик, лисица обыкновенная *Vulpes vulpes*) и птиц. Наличие в некоторых скоплениях полного набора костей скелета животных позволяет считать, что при сооружении этого кургана были захоронены не остатки пищевых отходов, а тушки животных.

По стратиграфии и планиграфии костных фрагментов животных и их скоплений каждый из проанализированных курганов обладает определенной спецификой. Общей же чертой является концентрация костных остатков «полями», локализованных на определенных участках секторов погребальных сооружений, в одном-двух горизонтах. Целые черепа, как правило, были захоронены в специально сделанных грунтовых ямах или размещались на древней дневной поверхности курганов. Отсутствие следов воздействия огня (обожженных участков на поверхности зубов и костях) позволяет считать, что останки животных не использовались в качестве сопроводительных животных в обряде погребения.

Озерки-1. Имеется сопроводительное погребение очень молодой лошади без черепа. Здесь же находились немногочисленные фрагменты черепа и посткраниального скелета собаки, часть из которых обожжена. Отдельное скопление представляет в разной степени фрагментированные кости из разных отделов скелета (конечности, челюсти, зубы, ребра и т.д.), принадлежащих лошадям и другим видам животных (водяной полевке, собаке, лисице и птицам).

Озерки-5. Содержит остатки скелетов как минимум 3-х лошадей. Из них одна была взрослой и 2 молодой особью, от одной из которых сохранился целый череп. Фрагменты скелета лошадей находились во рву на разной глубине и в разных секторах кургана. Кроме того, среди них фрагмент метаподии лося (*Alces alces*) и коренной зуб косули (*Capreolus pygargus*).

Анализ остеологических материалов из верхнеобских курганов Кузнецкой котловины, как и в целом материальных остатков послепохоронных ритуалов на площади курганных некрополей, позволил установить их жертвенный характер (Васютин А.С., Онищенко С.С., 2004, с. С.315-316) и доминирование в составе костных остатков животных лошадей, преимущественно молодых особей (Васютин А.С., Онищенко С.С., 2008, с. 129, 130). Полученные данные и их интерпретация вполне сопоставимы с материалами сrostкинской культуры Барабы, Новосибирского и Томского Приобья Приобья, лесостепного Алтая и Кузнецкой котловины, свидетельствующие о симбиозном характере развития этих территорий под значительным влиянием кочевого компонента, включая погребальный обряд на всех стадиях его реализации (Васютин А.С., Онищенко С.С., 2002, с. 288-290).

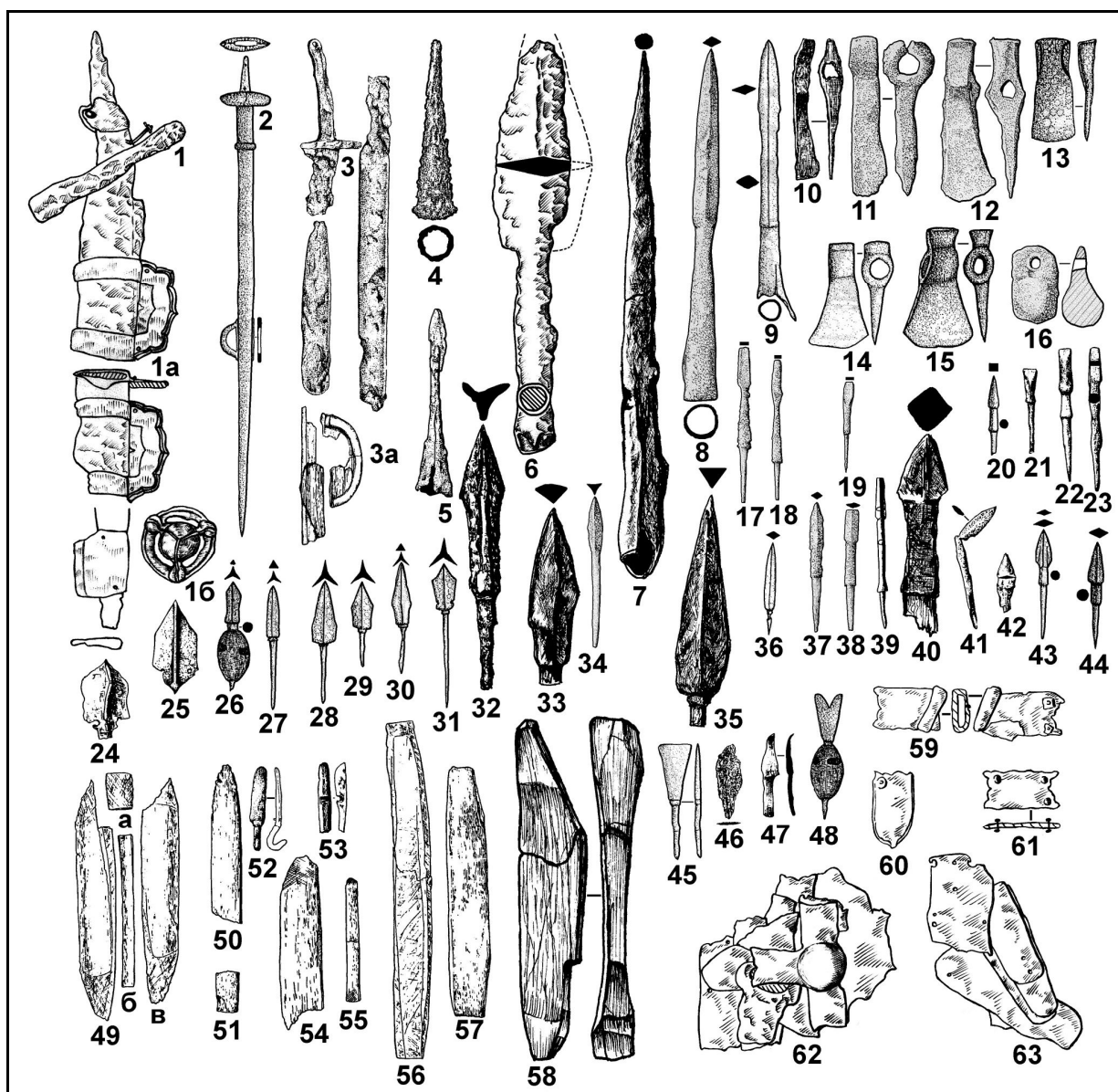

Рис. 1

Предметы наступательного и защитного вооружения
из курганных могильников верхнеобской культуры Кузнецкой котловины.
Без масштаба.

- 1, 6, 32, 33, 35, 40, 59-63 – Озерки-I; 58 – Калтышино-II (Васютин А.С. и др., 2004);
3-5, 7, 10, 21-26, 41, 42, 46, 47, 49-57 – Ваганово-I (Васютин А.С., 1997); 8, 11, 12, 16-20,
27-31, 34; 2, 9, 13-15, 26, 29, 36, 43-45, 48 – Сапогово-II (Илюшин А.М., 1997).
1-3 – сабля, палаши; 4-9 – втульчатые наконечники копий и пик; 10-15 – топоры;
16 – кистень; 17-48 – наконечники стрел; 49-51, 53-58, – костяные и роговые накладки на
лук; 52 – колчанный крюк; 58-63 – детали конского полудоспеха и сопроводительной
сбруйной гарнитуры.
1-47, 59-63 – железо; 1а, б – бронза; 48 – железо, кость; 49-58 – кость, рог.

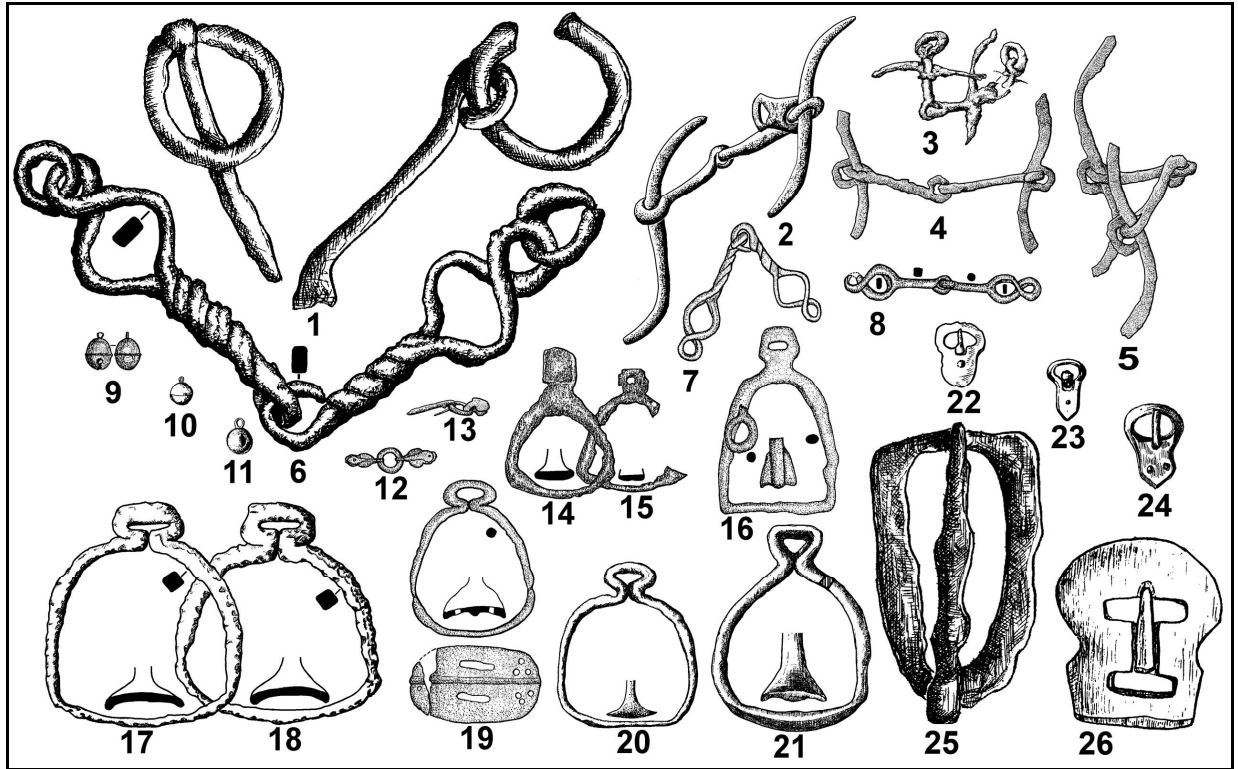

Рис. 2

Детали конской упряжи кочевнического облика
из курганных могильников верхнеобской культуры Кузнецкой котловины.

Без масштаба.

1, 29 – Зимник (Васютин А.С., 1998); 6 – Калтышино-II (Васютин А.С. и др., 2004);

2, 3, 5, 10, 11, 12, 15, 16, 18, 20, 21, 23, 24, 26 – Ваганово-I (Васютин А.С., 1997);

4, 5, 8, 10, 14, 32 – Сапогово (Илюшин А.М. и др., 1992);

7, 9, 13, 16, 19 – Сапогово-II (Илюшин А.М., 1997); 17, 18, 22 – Озерки-I.

1-8 – удила; 9-11 – бубенчики-колокольчики; 12, 13 – кольчатые распределители ремней с пластинчатыми зажимами; 14-21 – стремяна; 22-24 – цельнолитые сбруйные пряжки; 25, 26 – подпружные пряжки.

1-8, 12-22, – железо; 9-11, 23, 24 – бронза; 26 – рог.

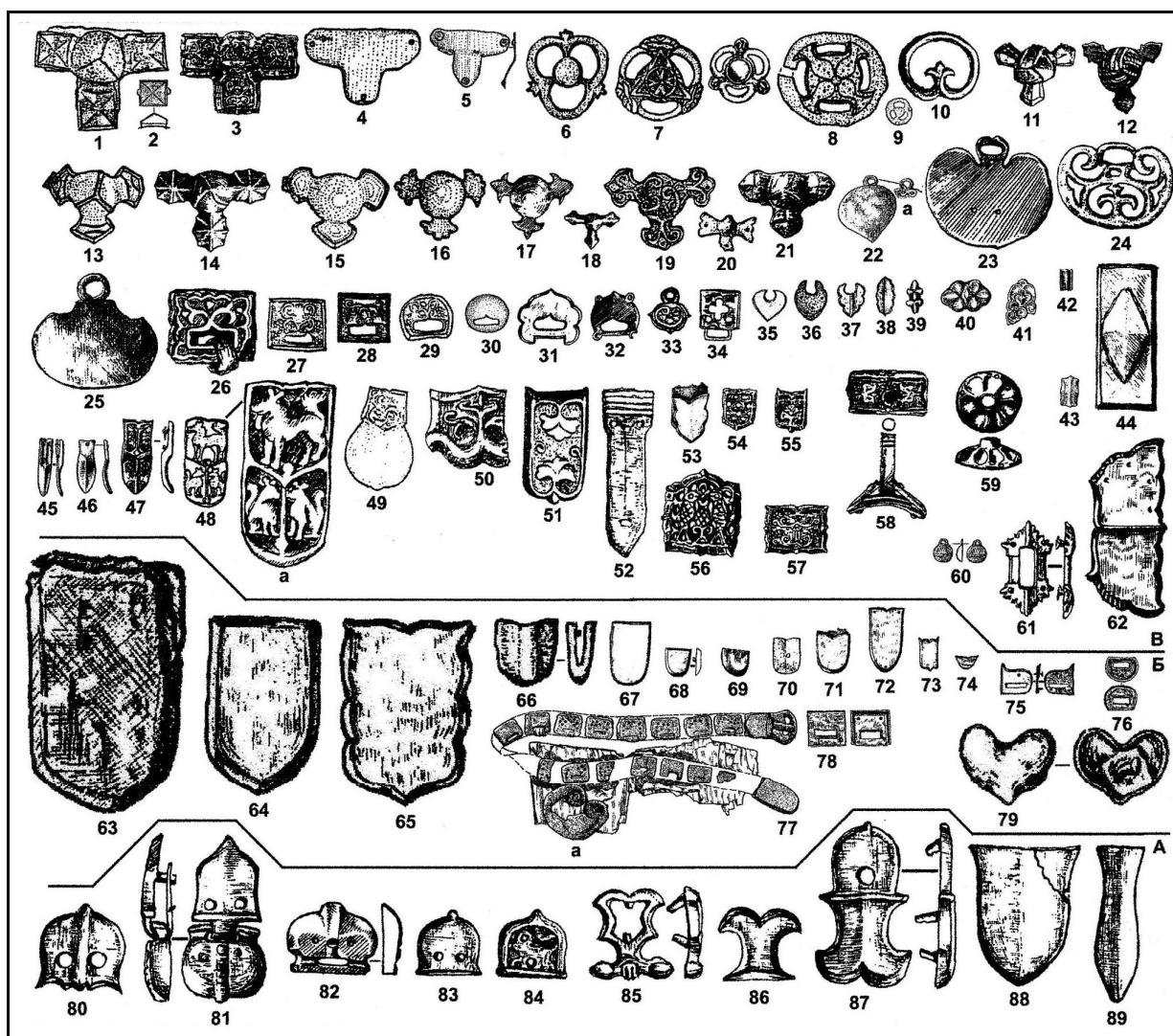

Рис. 3

Наремённая гарнитура евразийских типов в закрытых погребальных комплексах верхнеобской культуры Кузнецкой котловины.

Без масштаба.

А – стиль псевдопряжек кудыргинского типа (VII – середина VIII вв.);

Б – гарнитура катандинского и раннего сротскинского типов (VIII - середина IX вв.); гарнитура позднего катандинского и развитого сротскинского типов (вторая половина IX-X вв.).

1, 2, 4, 5, 8, 9, 15, 16, 17, 19, 26-28, 33, 48, 49 – Сапогово-II (Илюшин А.М., 1997);
 3, 32, 40, 54-58, 60 – Саратовка (из раскопок М.Г. Елькина – см.: Илюшин А.М., 1999);
 6, 10, 11, 18, 22, 24, 25, 30, 31, 34, 35, 37-39, 41, 42, 45—47, 50-53, 59, 61, 62, 65, 67-76, 78 – Ваганово-I (Васютин А.С., 1997); 8, 23, 24, 27, 29, 32, 35, 36, 77 (а - наборный пояс с калачевидным кресалом) – Сапогово (Илюшин А.М. и др., 1992); 80, 81, 83-89 – Юрты-II (Васютин А.С., 1997); 82 – Лебединский клад (Бобров В.В., Добжанский В.Н., 1989).

1-25 – распределители ремней; 26-44, 56, 57, 59-62, 75, 76, 79-87 – подвесные и накладные бляхи; 45-55, 63-74, 88, 89 - наконечники; 58 – наносный султанчик.

1-62, 64-76, 78-89 – бронза; 63, 77 – железо.

Обсуждение результатов анализа

Сопоставление материалов сротскинской и верхнеобской культур на синхронном и асинхронном уровнях было проведено С.В. Неверовым по ведущим категориям

инвентаря и погребальной обрядности поздних верхнеобских памятников Новосибирского Приобья и сrostкинских могильников Алтая, свидетельствующих о преемственном характере формирования сrostкинской АК (Васютин А.С., 2001, с. 223-226, рис. 1). Типологическая близость обнаруживается также в эволюции верхнеобской и сrostкинской наременной гарнитуры (Неверов С.В., 1988, с. 170-186, рис. 46-50; 52-56). В культурогенезе верхнеобской АК особое место занимают поясные и сбруйные металлические украшения. Смена стилей наременной гарнитуры определяет динамику рассматриваемой культуры, как и смена «моды» на экипировку всадника и снаряжение верхового коня, так как имеют отчетливые хронологические контуры.

Заключение

В настоящее время хронология верхнеобской АК во многом определяется аналогиями из кочевнических древностей Саяно-Алтая и нижними датами этапов развития сrostкинской АК. Результаты анализа группы металлических украшений из кузнецких могильников со сrostкинскими типами аналогичных изделий позволяют уточнить верхнюю дату финального этапа развития кузнецкого локального варианта верхнеобской культуры. С учетом запаздывания, сrostкинские типы наременной гарнитуры могли быть заимствованы населением не ранее рубежа VIII-IX – середины IX вв., а более развитые, классические сrostкинские формы наременной гарнитуры и украшений, в более позднее время, включая и X век.

Проблема взаимоотношений кочевого мира с культурами западносибирской лесостепи и южной кромки тайги до сих пор не решена в глобальном масштабе. Сколько-нибудь глубокого объяснения причин и характера симбиоза южных, кочевых, и северных, осёдлых, культур Западной Сибири на протяжении всей древнетюркской эпохи в науке не дано (Васютин С.А., Васютин А.С., Онищенко С.С., 2008, с. 197-198). Нам представляется, что на современном этапе изучения этого исторического феномена, главным является выявление этапов воздействия мира кочевых культур на развитие и трансформацию самодийских и угорских культур Западной Сибири.

Библиографический список

1. Адамов, А.А. Новосибирское Приобье в X-XIV вв. / А.А. Адамов. – Тобльск-Омск: Изд-во ОмГПУ, 2000. – 256 с.
2. Амброз, А.К. Стремена и седла раннего средневековья как хронологический показатель (IV-VIII вв.) / А.К. Амброз // СА, 1973, № 4. – С. 81-98.
3. Амброз, А.К. Бирский могильник и проблемы хронологии Приуралья в IV-VII вв. / Амброз А.К. // Средневековые древности евразийских степей. – М.: Наука, 1980. – С. 3-56.
4. Бараба в тюркское время / В.И. Молодин, Д.Г. Савинов, В.С. Елагин, В.И. Соболев, Н.В. Полосьмак, Е.А. Сидоров, А.И. Соловьев, А.П. Бородовский, А.В. Новиков, А.Р. Ким, Т.А. Чикишева, П.И. Беланов. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1988. – 176 с.
5. Бобров, В.В. Лебединский клад / Бобров В.В., Добжанский В.Н. // Проблемы изучения Сибири в научно-исследовательской работе музеев: Тез. докл. науч.-практ. конф. – Красноярск: Изд-во КрГУ, 1989. – С. 133-135.
6. Бобров, В.В. Конский полудоспех в сопроводительном инвентаре кремированного погребения X в. н. э. в могильнике Озерки I (Калтышинский археологический микрорайон) / В.В. Бобров, А.С. Васютин, С.А. Васютин // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Том XII, часть I. Материалы годовой сессии ИАЭ СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 2006. – С. 265-268.
7. Васютин, А.С. Урало-сибирский стиль псевдопряжек / А.С. Васютин // Актуальные проблемы древней и средневековой истории Сибири. – Томск: Изд-во Том. Ун-та систем управления и радиоэлектроники. – С. 263-269.

8. Васютин, А.С. Новое в хронологии и культуре юрт-акбалыкского этапа развития верхнеобского ареала (по материалам погребений из Кузнецкой котловины) / А.С. Васютин // *Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории: Материалы Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции.* – Томск: изд-во Том. Ун-та, 2001а. – С. 142-145.
9. Васютин, А.С. Сросткинские типы изделий в верхнеобской гарнитуре (к вопросу о культурных взаимосвязях на Верхней Оби в конце I тыс.) / А.С. Васютин // *Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края (Материалы Всероссийской научно-практической конференции).* Выпуск XII. – Барнаул: Изд-во «Азбука», 2001б. - С. 223-226.
10. Васютин, А.С. О характере вторичного использования курганов конца I – начала II тыс. н.э. на юге Западной Сибири / А.С. Васютин, С.С. Онищенко // *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий.* – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – Том VIII. – С. 286-290.
11. Васютин, А.С. Пространственная структура жертвенных комплексов на могильнике верхнеобской культуры Ваганово I из Кузнецкой котловины / А.С. Васютин, С.С. Онищенко // *Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии.* – Барнаул: Изд-во Алт. Ун-та, 2004. – С. 313-316.
12. Васютин А.С. Жертвоприношения лошадей в кургане № 11 могильника Ваганово-I из Кузнецкой котловины (верхнеобская культура) / А.С. Васютин, С.С. Онищенко // *Древние и средневековые кочевники Центральной Азии: сборник научных трудов / отв. ред. А.А. Тишкин.* – Барнаул: Азбука, 2008. – С. 128-130.
13. Васютин, С.А. Характер взаимодействия кочевого и оседлого населения на юге Западной Сибири в период раннего средневековья / С.А. Васютин, А.С. Васютин, С.С. Онищенко // *Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале 2008 г.* – М.: Изд-во ИА РАН, 2008. – С. 197-199.
14. Гаврилова, А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен / А.А. Гаврилова. – Л.: Наука, 1965. – 113 с.
15. Голдина, Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье / Р.Д. Голдина. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1985. – 280 с.
16. Горбунов, В.В. Военное дело населения Алтая в III-XIV вв. Ч. II. Наступательное вооружение (оружие) / В.В. Горбунов. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. – 232 с.
17. Горбунова, Т.Г. Наконечники ремней конского снаряжения из раннесредневековых памятников Алтая (классификация и типология) / Т.Г. Горбунова // *Древности Алтая.* – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2003. – № 11. – С. 112-123.
18. Горбунова, Т.Г. Средневековые украшения конского снаряжения на Алтае: морфологический анализ, технологии изготовления, состав сплавов: монография / Т.Г. Горбунова, А.А. Тишкин, С.В. Хаврин. – Барнаул: Азбука, 2009. – 144 с.
19. Григоров, Е.В. Распределители ремней Южной Сибири VII-X вв. / Е.В. Григоров // *Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье.* – Барнаул: Изд-во АГУ, 1998. – С.152-158.
20. Илюшин, А.М. Могильник Сапогово – памятник древнетюркской эпохи в Кузнецкой котловине / А.М. Илюшин, М.Г. Сулейменов, В.Б. Гузь, А.Г. Стародубцев. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. Ун-та, 1992. – 128 с.
21. Илюшин, А.М. Курган-кладбище в долине р. Касьмы как источник по средневековой истории Кузнецкой котловины / А.М. Илюшин. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 1997. – 119 с.
22. Илюшин, А.М. Могильник Саратовка: публикация материалов и опыт этноархеологического исследования / А.М. Илюшин. – Кемерово: Изд-во КузГТУ, 1999. – 208 с.
23. Краснов, Ю.А. Рец. На книгу: I Erdelyi, Ojtozi, Gening. Das Graberfeld von Nevolino. Akademiae Kiado. Budapest, 1969, 93 с. / Ю.А. Краснов, В.Б. Ковалевская // *СА.* – 1973. – № 2. – С. 298-287.
24. Ковалевская, В.Б. Поясные наборы Евразии IV-IX вв. САИ - Е1-2. / В.Б. Ковалевская. – М.: Наука, 1979. – 57 с.
25. Король, Г.Г. Искусство средневековых кочевников Евразии. Очерки / Г.Г. Король. – М.; Кемерово: Кузбассвуиздат, 2008. – 332 с.

26. Кызласов, Л.Р. Тухтятская культура древних хакасов (IX-X) / Л.Р. Кызласов // Степи Евразии в эпоху средневековья. – М.: Наука, 1981. – С. 54-59.
27. Кызласов, Л.Р. Декоративное искусство средневековых хакасов как исторический источник / Л.Р. Кызласов, Г.Г. Король. – М.: Наука, 1990. – 215 с.
28. Кызласов, И.Л. Аскизская культура Южной Сибири X-XIV вв. САИ, выпуск ЕЗ-18 / И.Л. Кызласов. – М.: Наука, 1983. – 126 с.
29. Левашова, В.П. Два могильника кыргыз-хакасов / В.П. Левашова // МИА. – 1952. – № 24. – С. 121-136.
30. Мажитов, Н.А. Южный Урал в VII-XIV вв. / Н.А. Мажитов. – М.: Наука, 1977. – 239 с.
31. Могильников, В.А. Тюрки / В.А. Могильников // Степи Евразии в эпоху средневековья. – М.: Наука, 1981. – С. 29-43.
32. Могильников, В.А. Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX-XI вв. / В.А. Могильников. – М.: Наука, 2002. – 362 с.
33. Могильников, В.А. Могильник потчевашской культуры в Среднем Прииртышье / В.А. Могильников, Б.А. Конилов // СА. – 1983. – № 2. – С. 162-182.
34. Неверов, С.В. История племён сросткинской культуры в VIII-XII вв. н.э.: дис....канд. ист. наук / С.В. Неверов. – М., 1988. – 223 с.
35. Неверов, С.В. Стремена Верхнего Приобья в VII-XII вв. (классификация и типология) / С.В. Неверов. // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998 – С.129-151.
36. Плетнева, Л.М. Погребения IX-X вв. в Томском Приобье // Западная Сибирь в эпоху средневековья / Л.М. Плетнева. – Томск: Изд-во ТГУ, 1984. – С. 64-87.
37. Плетнева, С.А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитровский археологический комплекс / С.А. Плетнева. – М.: Наука, 1989. – 288 с.
38. Распопова, В.И. Основания для датировки металлических изделий из Пенджикента / В.И. Распопова // КСИА. – 1979. – Вып. 158. – С. 228.
39. Савинов, Д.Г. Государство и культурогенез на территории Южной Сибири в эпоху раннего средневековья / Д.Г. Савинов. – Кемерово: Кемеровский госуниверситет, 1994. – 215 с.
40. Савинов, Д.Г. Сросткинский могильник (раскопки М.Н. Комаровой в 1925 г. и С.М. Сергеева в 1930 г.) / Д.Г. Савинов // Древности Алтая: Изв. Лаб. Археол. – Горно-Алтайск: Изд-во Горно-Алт. Ун-та, 1998. – № 3. – С. 175-190.
41. Савинов, Д.Г. Верхнее Приобье на рубеже эпох (басандайская культура) / Д.Г. Савинов, А.В. Новиков, С.Г. Росляков. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. – 424 с.
42. Троицкая Т.Н. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье / Т.Н. Троицкая, А.В. Новиков. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – 152 с.
43. Худяков, Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии / Ю.С. Худяков. – Новосибирск: Наука, 1986. – 231 с.
44. Шиготарова, Т.Г. Наносные султанчики из средневековых памятников Алтая / Т.Г. Шиготарова // Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. Ун-та, 200. – Т. II. – С. 60-61.
45. Шиготарова, Т.Г. Бляхи-подвески конского снаряжения (по материалам раннесредневековых памятников Алтая) / Т.Г. Шиготарова // Историко-культурное наследие Северной Азии. – Барнаул: Изд-во Алт. Ун-та, 2001. – С. 164-172.